

О Т З Ы В

официального оппонента

доктора политических наук **Шумилина Александра Ивановича** на диссертацию **Хайруллина Тимура Радиковича** на тему «**Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе**», представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 - «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» (политические науки).

Значимость, новизна и достоинство работы Хайруллина Т.Р. состоят в стремлении рассмотреть предельно актуальную для Ближнего Востока проблематику, связанную с возрастающей ролью религиозного фактора (ислама) в политических процессах во всех странах региона за исключением Израиля. Эта тема нуждается в постоянном углубленном изучении. Если на протяжении предшествовавших десятилетий исследователи в основном концентрировали внимание на формировании феномена политического ислама (исламизма), идентификации группировок и течений, воплощавших его в отдельных странах, на противостоянии исламистских структур со светской властью там, наконец, на выявлении причин радикализации части исламистского спектра, то сегодня мы наблюдаем эволюцию этого феномена – его выход за пределы национальных границ отдельных государств, его частичную легитимизацию на арабской (суннитской) политической арене (и тем более в шиитском пространстве региона).

Одним из важнейших на данный момент результатов этого выплеска исламизма стал тот факт, что правящие элиты никакого из обозначенных государств – как бы они ни относились к исламизму - уже не в состоянии игнорировать как минимум значимость религиозного фактора при формировании своей внутренней и внешней политики. Пока это отнюдь не

означает некоего триумфа исламизма – наоборот: чтобы избежать победы исламистов (доминирования этой идеологии, замешанной на религии), правящие круги арабских стран уже просто обречены разыгрывать религиозную карту внутри своих стран и на региональной арене. Тем более, что религиозный фактор, который был далеко не главным в ближневосточных конфликтах еще конца XX-го столетия (в войне между Ираком и Ираном или в случае общеарабского противостояния с Ираком при одном из наиболее весомых в региональных конфликтах начала XXI-го века. Сегодня его значимость отчетливо проявляется в структуре таких конфликтов, как сирийский или йеменский. Во многом системообразующим стал этот фактор и для внутривосточной ситуации в Ираке.

Автор диссертации справедливо указывает на основные причины усиления роли религиозного фактора в региональной политике: это и потрясения «Арабской весны», которые смели многолетние барьеры на пути исламизма в виде жесткой (во многих случаях диктаторской власти) в ряде арабских стран; это и накопление социально-экономических проблем, в отношении которых исламисты, как правило, предлагали и предлагают по форме простые, но на деле отнюдь не действенные решения; это и активизация региональной политики Ирана, руководство которого якобы увидело в «Арабской весне» нечто вроде «продолжения» его собственной Исламской революции, а на деле рассчитывает, что привносимые политические потрясения в конечном счете ослабят ведущие страны арабского (суннитского) мира. Заметим, что причины разрастания феномена исламизма автор исследует в основном в рамках обзора и анализа научной литературы и обширных источников - тем самым диссертант стремится сохранить целостность основополагающей структуры своей работы, которая нацелена на освещение событий в политической сфере региона в последние годы. Здесь же отметим и широкий круг самих источников, отраженных во

впечатляющем списке библиографии – работы как российских исследователей данной темы, так и иностранных.

Автору диссертации удалось отразить сложность исследуемого предмета – феномена исламизма – посредством изложения с критическим комментарием практически всех основных концепций и определений данного феномена. Вполне оправданной представляется приводимая диссертантом нейтральная формулировка, на которую он опирается в своем исследовании: «Исламизм – это политическое направление и идеология, широко распространенная в мусульманских, особенно арабских странах. Исламизм основывается на идеях превосходства (или просто высокой ценности) ислама и его правил и традиций, на необходимости строить жизнь на исполнении (в том или ином объеме) тем или иным образом понимаемых принципов ислама, на том, чтобы, сообразуясь с современными реалиями, политически объединяться вокруг людей, ставящих те или иные исламские (или рассматриваемые в качестве исламских) идеи и принципы во главу угла в политической жизни» (стр. 50-51).

В работе правильно расставлены акценты в том, что касается степени воздействия двух конкурирующих концептов (религиозных установок) на политический процесс в ряде арабских стран – продвигаемого Саудовской Аравией салафитского (вахаббистского) видения данной проблемы и того, что автор называет «ихванистским» концептом, характерным для сторонников «Братьев-мусульман». Если салафитский концепт призывает обращаться к основам ислама, проявляя минимальную способность адаптироваться к изменяющимся условиям современности, то установки «братьев» время от времени претерпевают серьезные корректировки и трансформации, делающие их приемлемыми для расширяющегося круга активистов в странах Арабского Востока. Вполне можно согласиться с приводимой автором оценкой, согласно которой «в последние десятилетия «Братьям-мусульманам» удалось выработать своего рода идеологию

«демократического исламизма», значительно более приспособленную к современным реалиям и приемлемую для мирового сообщества, идеологию, позволяющую им достаточно успешно участвовать в современной политической жизни» (стр. 95). Этот вывод объясняет многое из происходившего в последнее время в региональной политике: например, успехи «братьев» на парламентских выборах в странах, охваченных «Арабской весной»; готовность администрации Б. Обамы и правительств стран Евросоюза взаимодействовать с Египтом при де-факто исламисте Мухаммеде Мурси (2012-2013гг); не сильно беспокоящий западные элиты политический расклад в парламентах Иордании, Марокко и Туниса, где фракции «братьев» начали играть значимую роль и т.д.

Автор справедливо и обоснованно акцентирует внимание на роли религиозного (исламистского) фактора в соперничестве между Катаром и Турцией (катаро-турецкий альянс в терминологии диссертанта), с одной стороны, и другими монархиями Персидского залива во главе с Саудовской Аравией применительно к конфликтам, потрясшим ближневосточный регион после «Арабской весны» (в Сирии, Ливии, Йемене, Египте, Тунисе). Во всех упомянутых случаях религиозный контекст действительно во многом объясняет поведение основных региональных акторов. Особенно это отчетливо выделяет автор применительно к Ирану после Исламской революции 1979 года: исламизм шиитского толка становится мотиватором и важным инструментом в формировании по сути экспансионистской стратегии Тегерана в регионе.

При несомненных достоинствах работы следует, на наш взгляд, высказать и ряд рекомендаций, которые, как и трактовка многих аспектов феномена исламизма сегодня самыми разными аналитиками, могут (и даже обречены) носить дискуссионный характер. Так, несомненно добавило бы научной значимости данному исследованию более четкое формулирование понятий «умеренный исламизм», «консервативный исламизм» и «исламизм

радикального толка». Обоснование этих расхожих терминов определенными критериями важно в практическом плане: это может стать полезным инструментом для работников организаций и ведомств, причастных к анализу и формированию политической линии Российской Федерации в отношении конфликтов на Ближнем Востоке.

Дискуссионной представляется и установка автора преподнести роль религии не как один из факторов, определяющих и характеризующих политику того или иного государства, а как фактор основной, определяемый терминологически словом «проект» (тем более, интеграционный). Замечу, что слово «проект» в данном контексте предполагает стройность и завершенность какой-либо конструкции, воплощенность базовой идеи (в сфере государственного строительства, отношений между государством и обществом, системы принятия решений, роли религии в этих процессах и т.д.). Уместно задаться вопросом: стремятся ли Саудовская Аравия или Катар воспроизвести, например, свою систему государственного устройства в качестве прототипа («проекта») для других суннитских стран? Или на деле Эр-Рияд и Доха (равно как Анкара и Тегеран) используют религиозный фактор для реализации своих геополитических целей, мало связанных с насаждением/«размножением» своих концептов в качестве «проекта»?

На мой взгляд, ответ в пользу второго варианта: яркий пример – отношение Эр-Рияда к революционным событиям в Египте, где саудовцы хоть и сдержанно, но поначалу поддержали Мурси, несмотря на его тесные связи с «мусульманским братством», пока тот не начал устанавливать отношения с Тегераном; однако с гораздо большим энтузиазмом и соответственно финансовым вкладом саудовцы начали оказывать содействие команде ас-Сиси, который сверг Мурси, провозгласив приоритетом «борьбу с исламизмом» и светский курс своей политики при полном уважении к Исламу (по сути – возвращение к временам Мубарака). Главное для Эр-Рияда – не допустить сближения стран суннитского ареала с Ираном. Проще

говоря, они готовы смириться с любым исходом революционных процессов и преобразований (т.е. с любым «проектом» в терминологии автора), если таковой не играет на руку их противникам внутри этих стран (своими противниками Эр-Рияд считает «братьев-мусульман» и шиитские группировки).

Можно отнести к разряду дискусионных и утверждение соискателя о том, что усиление позиций «братьев-мусульман» (кстати, а не их «приход к власти» в Тунисе и Ливии, как часто формулируется в некоторых работах, претендующих на серьезность) стало «успехом» катарско-турецкого альянса в борьбе за региональную гегемонию. В данном случае можно говорить о склонности автора преувеличивать масштабы влияния Катара и Турции на революционные потрясения в указанных арабских странах. Кстати, далее сам автор уточняет, что «мусульманское братство» усилило свои позиции в большинстве арабских стран (помимо упомянутых также еще в Марокко, Иордании, Йемене), где, подчеркнем, катаро-турецкий альянс не замечен в повышенной активности. Это действительно так и вряд ли могло быть иначе, учитывая, что во всех этих странах группировки «братства» не только многочисленнее, чем салафиты, но имеют весьма длительную историю, на протяжении которой они старательно выстраивали образ «борцов за справедливость», «героев, приносивших себя в жертву», образ «гонимых и преследуемых несправедливыми режимами» и т.д. Конечно, они обречены на успех (не обязательно на победу) при любом справедливом голосовании в этих странах. Кроме того, правители Марокко и Иордании, разумеется, заинтересованы проявлять благосклонность к ним с тем, чтобы упредить новые революционные взрывы, где «братья» обречены стать уже главной движущей силой (они не были таковой в ходе событий «Арабской весны»). Более обоснованной представляется точка зрения, что весь порой весьма противоречивый процесс преобразований в соответствующих арабских странах после «Арабской весны» протекал под воздействием меняющегося

расклада сил и факторов внутри этих стран, под воздействием доминирующих настроений масс населения там. Заметим также, что ни в одной из стран, охваченных «Арабской весной», электоральный успех «братьев-мусульман» не был сокрушительным: полученные ими голоса и мандаты составляли относительное большинство, что обрекало «умеренных исламистов» на вступление в альянсы с другими силами на внутривнутриполитической арене каждой арабской страны. Иными словами, они не были полностью доминирующей силой ни в одной из стран, что также стало ограничением для влияния внешних акторов в суннитском сегменте региона (Катара, Турции, Саудовской Аравии). Религиозные концепты несомненно играют важную роль в формировании внешней (особенно региональной) политики перечисленных арабских стран и Ирана, являясь во многом инструментом этой политики.

Помимо изложенного можно порекомендовать автору в его будущих работах более тщательно формулировать важные тезисы. Все упомянутые замечания, повторим, носят дискуссионный характер и несколько не умоляют актуальности, востребованности и значимости данной работы.

В целом диссертационное исследование представляется завершенным. Предлагаемые соискателем выводы соответствуют результатам анализа обширного материала каждой из глав. Тема и содержание диссертации соответствуют паспорту специальности 23.00.04 - «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» (политические науки). Автореферат выполнен в рамках соответствующих требований. В нем изложены основные результаты, выносимые на защиту, дано исчерпывающее представление о научной и практической значимости проделанной работы.

Диссертация Хайруллина Тимура Радиковича на тему «Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе» отвечает требованиям п.9 «Положения о присуждении ученых степеней»,

утвержденного Постановлением №842 Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Хайруллин Тимур Радикович заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 - «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» (политические науки).

Официальный оппонент

Главный научный сотрудник Отдела европейской безопасности
Института Европы РАН, доктор политических наук (специальность 23.00.04)

ШУМИЛИН Александр Иванович

«29» января 2019 г.

Личную подпись сотрудника ИЕ РАН
Шумилина А.И. удостоверяю
Начальник отдела кадров ИЕ

